

“Два поколения - одна память”

«Там вдали наше детство военное»

Цевлев

Валериан Константинович

Иевлев Валериан Константинович.

Военное детство моё проходило не на Кубани. Родился 21 февраля 1935 года на великой реке Амур, в селе Поярково Михайловского района Амурской области. Село названо в честь Пояркова Василия Даниловича, русского землепроходца 17-го века. Родители прибыли на Дальний Восток в 1934 году с Тихого Дона из станицы Аксайской (ныне город Аксай) Ростовской области после окончания отцом зооветеринарного института. Его по распределению отправили работать зоотехником.

Летом 1936 года уже со мной – их первым ребёнком, родители приехали в отпуск, в станицу Аксайскую, где они выросли и познакомились, и где жили их родители – мои бабушки и дедушки и другая многочисленная родня, а также друзья детства родителей.

В это же время в отпуск прибыли из Туркмении – самой южной союзной республики СССР (так тогда называлась наша страна) однокурсники и одностаничники отца, работавшие там в каракулеводческих совхозах.

Друзья убедили отца оставить далёкий Дальний Восток и поехать работать к ним в Туркмению, которая также была далеко, но все же в три раза ближе. Республика нуждалась в молодых специалистах – зоотехниках.

Получив разрешение из наркомата (так до 1946 года именовались министерства) отец с семьёй выехал в Туркменистан, где и прошли моё детство и ранняя юность. Там, в 1942 году пошёл в школу, а в 1952 г. в поселке Кушка – самой южной точке Советского Союза окончил её. Естественно, в Туркмении я жил и в годы Великой Отечественной войны. Нам повезло, мой отец не погиб, защищая родину. Его из-за близорукости не взяли в армию. Но, уверен, была и другая причина, почему его оставили в тылу Туркмении. В предвоенные годы – лишь немногие коренные жители – туркмены хорошо знали русский язык – язык межнационального общения, как в СССР, так и

ранее в Российской империи. Особенно мало их было в сельской местности, в аулах, а с чабанами, пасшими овец, нужно было как-то общаться, и отец ещё до войны выучил туркменский язык настолько, что ему уже не требовался переводчик. Узнал и обычаи, традиции туркменского народа. И потом, полагаю, ему одному из немногих в совхозе дали отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации. Как тогда говорили «бронь».

Я, к сожалению, туркменский язык знал очень плохо, хотя вырос в Туркмении и учил его в

*Отец Валерия, совхоз «Ербент»,
1941 -й год*

школе. Просто не было бытовой необходимости, мои туркменские сверстники уже знали русский язык.

Работал отец самоотверженно, мы его дома практически не видели. На персональном ездовом верблюде, обычно в одиночку, объезжал отары каракульских овец, пасшихся на бескрайних просторах огромной песчаной пустыни Кара-Кум под надзором чабанов и туркменских овчарок. За успешный доблестный труд в годы войны был удостоен высшей награды СССР - орденом Ленина, врученный ему в Москве в 1946 году.

Возвращаюсь к предвоенному времени. Туркмения – самая жаркая республика СССР, поэтому ежегодно мама на лето выезжала к родным на Тихий Дон, сначала со мной, а в 1939 г. и с дочкой – моей сестренкой. Папа позднее приезжал к нам, и мы вместе возвращались в Туркмению.

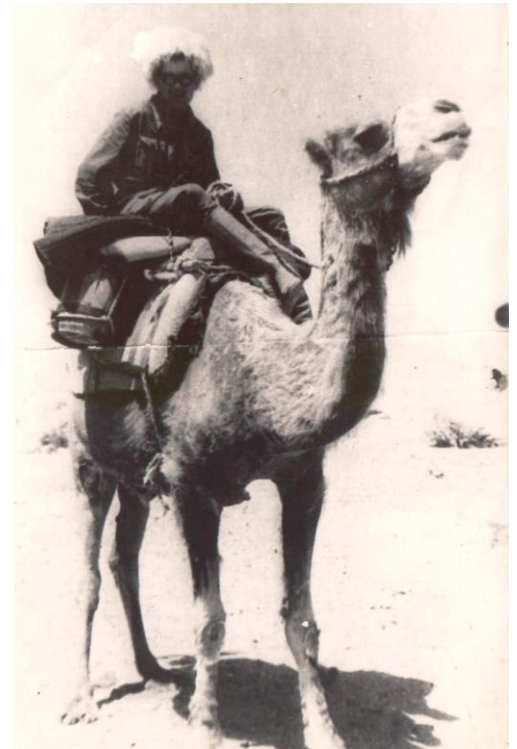
В июне 1941 года мама в очередной раз выехала с нами – двумя детьми в станицу Аксайскую. Папа собирался подъехать позже, ближе к осени. Он был удостоен участия во всесоюзной сельскохозяйственной выставке на ВДНХ в Москве и ему поручили сопровождать вагон со знаменитыми ароматными, сочными Туркменскими «чарджуйскими» дынями «гуляби».

Ехали поездом с пересадкой в Москве.

Прибыли в столицу 22 июня и... на Казанском вокзале услышали из репродуктора, что Германия без объявления войны напала на Советский Союз, началась война.

Хотя в семье, да и в совхозе «Талимарджан», где мы жили, не раз говорили о возможной войне, тем не менее, известие маму ошеломило. Однако она не стала менять маршрута, и мы пересели в другой поезд, доставивший нас в Аксайскую.

Война, ещё не ставшая Великой Отечественной, уже коснулась черным крылом большой семьи дедушки Саши и бабушки Кати Иевлевых. Накануне её на границах нашего государства не раз возникали военные конфликты. В одном из них – советско-финляндском в январе 1940 г. погиб брат отца Виктор, политрук стрелкового полка. Он был любимец не только семьи, но и

станции Аксайской. До ухода на военную службу дядя Витя работал пионервожатым в Аксайской средней школе и успел оставить о себе долгую и добрую память. Уже после войны в Аксае увековечена память о нём, одна из городских улиц носит его имя. Чтут его и в семье. В дедушкином доме, который унаследовал мой отец, а затем мой младший брат с 1940 года на стене висит его фотопортрет. Да и я с детства гордился тем, что из оставшегося в доме после побывки обмундирования дяди Вити его старшая сестра тетя Таня сшила мне военный костюмчик. Носил его, пока не вырос.

В Аксае нас ждали, встретили, были рады, но война поломала все планы. В станице стало тревожно. Ушли на фронт два маминых брата, три брата отца. Четвёртого, младшего Александра, призвали позднее – после оккупации. Через станицу пошёл поток беженцев. Хорошо помню – они были из Бессарабии (нынешней Молдовы). Некоторые оставались переночевать, утром уходили вглубь страны. Видимо опасались, что немцы могут оккупировать и Аксай.

Папа, естественно, не приехал, мама начала собираться в обратный путь. Возвращались уже не в пассажирском вагоне, а в «теплушке» - переоборудованном для перевозки людей товарном грузовом вагоне. В наш вагон набилось многу народу: старики, женщины и дети. Ехали впроголодь, сидели и лежали в основном на полу. Запомнилась соседка – женщина с больным (золотушным – говорила мама) ребёнком, которого она кормила на зависть другим детям заплесневевшим ломтем белого батона, смазанного уже позеленевшим сливочным маслом.

В Воронеже, когда поезд стоял у железнодорожного вокзала, нас бомбили. Мама прикрывала мою голову и сестры подушками, чтобы защититить от осколков. Ехали со своими подушками, одеяльцами, детским ночным горшком и чайником, чтобы набирать кипятку на железнодорожных станциях при остановке состава.

Нам повезло, все обошлось, бомба в состав не попала. Этим и ограничиваются мои личные «боевые» воспоминания о войне. В оккупации, как многие мои сверстники я не был.

Моё детство прошло в глубоком тылу в Туркмении, в совхозе Талимарджан, где я начал учиться в 1-ом классе. Из-за нехватки помещений и учителей в одной классной комнате одновременно сажали учеников двух классов: слева – первоклассников, справа – четвероклассников. Дав задание четвероклассникам, учительница начинала заниматься с нами и, озадачив нас, возвращалась к старшим. Заканчивал 1-й класс в столице Туркмении – городе Ашхабад. Папу перевели работать в совхоз «Ербент», расположенный в центре пустыни Кара-Кум. Там тоже была начальная школа, но только для туркменских детей, поэтому нашей семье предоставили квартиру в городе Ашхабаде, куда мы и переехали.

Чем ещё запомнилось мне военное время? На том, что было холодно и голодно много останавливаться не буду. Это в той или иной мере касалось всех. Уже в 1941 году начали прибывать инвалиды – кто без рук, кто без ног. Нам, мальчикам, скоро нашлось дело. Один из инвалидов стал работать

сапожником. Он курил, и мы собирали по колхозу окурки – бычки. Иногда сами затягивались, и я в том числе. У меня это далеко не зашло. О том, что я начал покуривать узнала мама и пресекла решительно, проведя разъяснительную и другую «воспитательную» работу, за что я ей буду благодарен, как говорится «по гроб своей жизни».

Рядом с совхозом находился железнодорожный полустанок, где часто оставляли вагоны с овощами и фруктами, направлявшимися на фронт. И нас детей, даже малолетних привлекали к их переработке. Запомнилась переборка лука. Труд оплачивали натурой. Мы, оголодавшие испекли лук на костре, объелись и после этого, я долго не мог пережить запаха и даже вида варёного лука.

С 1942 по 1945 годы мы жили в Ашхабаде. Во 2-ом и 3-ем классе я уже учился в мужской школе №6. Это было время, когда в школе переходили на раздельное обучение. Классы были большими, по несколько десятков человек в каждом, так как часть школ города отдали под тыловые госпитали, куда прибывали с фронта на лечение тяжело раненные бойцы. Мы – ученики, часто бывали в госпиталях – выступали перед ранеными: читали стихи, пели песни, танцевали. А ещё мы шили кисеты под махорку, на которых крестиком вышивали цветочки. В кисеты вкладывали детские письма невидимому воину с пожеланиями поскорее разбить проклятых фашистов и живым-здоровым вернуться домой. Кисеты с записками вкладывались в почтовые ящики, которые направляли на фронт. Мне почему-то доверяли вышивать крестиком, я умел, меня научила мама.

Ранца или портфеля у меня не было. Мама сшила матерчатую сумку наподобие портфеля. Писали не шариковыми ручками, их тогда не было, а ручками со стальным пером, обмакивая его в жидкие чернила, налитые в чернильницы-непроливайки. Было плохо и с писчей бумагой, не хватало или вообще не было ученических тетрадей, писали иногда на газетной бумаге, а она пористая и чернила расплывались. Но как бы то ни было – дети учились. В школьных тетрадях на последней странице обложки обычно печатают таблицу умножения. Так как не было тетрадей. Не было и таблиц умножения. Пришлось таблицу составлять самому, умножая 2x1; 2x2 и так далее. Делал это на летних каникулах в совхозе у отца в центре Кара-Кумов. Так как сам её составлял, то легко её и выучил.

В школе нас подкармливали, ежедневно выдавали пончик. Летом выручал тутовник: кисло-сладкая белая и красная сладкая ягода тутового дерева (шелковицы). Их много росло по улицам города. Питались мы и «обжоркой» - пучками светло-зелёных сладковатых нежных плодов дерева карагач, известного в России как берест. Недавно с удивлением узнал, что плоды эти называются крылатыми орешками.

Событиями тех лет были письма с фронта. Их всегда ждали, но ждали с тревогой. Вместо письма могло прийти извещение о гибели, более известное, как «похоронка». Письма часто коллективно перечитывали в присутствии соседей, знакомых. Тех, кто жил не по соседству – оповещали.

Запомнилось на всю жизнь чтение письма Битюцкого, с которым папа до войны работал в совхозе. В войну семья Битюцкого также жила в Ашхабаде, но в другой части города. Жена Битюцкого, получив от мужа письмо с фронта, пригласила нашу маму ещё и потому что, Битюцкий вспомнил папу и передавал ему привет. Мама взяла с собой и меня с сестрой, и мы присутствовали при чтении.

Вспомнил я о письме Битюцкого и потому, что в совхозе «Талимарджан» был осужден друг детства папы дядя Серёжа Греков, работавший ветеринарным врачом. Вместе с ним осудили и четырёх заведующих животноводческими фермами – туркмен. Им вменялись в вину какие-то производственные прегрешения, вроде бы и нелестные высказывания о советской власти и её руководителях. В ходе разбирательства Битюцкий, бывший заместителем секретаря парткома совхоза, пытался убедить папу, чтобы он дал показания против дяди Серёжи, говоря, что Греков уже не тот, каким был в молодости, он, мол, «переродился». Папа категорически отказался, заявив: «Я знаю Грекова с детства, он был предан Советской власти, таким и остался».

С отцом

Битюцким был сделан запрос в станицу Аксайскую. Характеристики на папу и дядю Серёжу пришли положительные, но сообщили, что отец дяди Серёжи был якобы казачьим офицером (фактически работал учителем). Папа же был кристально чистого пролетарского происхождения. У папы не было проблем, а дядю Серёжу осудили. Через год, разобравшись, приговор суда отменили, дядю Серёжу и четырех туркмен освободили из заключения, а Битюцкого, напротив, осудили, возможно за неумеренное осудительское рвение. Когда началась война, Битюцкий, как и многие заключенные обратился с просьбой направить его на фронт, чтобы кровью искупить свою вину.

Просьбу его удовлетворили, и вот с фронта он писал: «Какой я был дурак, что искал компромат на Серёжу и Костю. Именно такие на фронте первыми поднимаются в атаку. Позднее мама узнала, что Битюцкий погиб».

Конечно, я пишу об этом, опираясь не только на свою память. В семье у нас не единожды вспоминали письма Битюцкого. Дядя Серёжа после освобождения не остался в Туркмении, вернулся в родную станицу Аксайскую. Воевал, служил в кавалерийских частях ветеринарным врачом. Вернулся после демобилизации в звании майора со многими боевыми наградами.

Мама, увы, приходившие письма не сохраняла, опасалась, что в них могли вкрасться какие-нибудь «военные тайны».

Размышляя о военной поре, непременно вспоминаешь о хлебных карточках. В условиях товарного дефицита, вызванного войной, государство ввело нормированное снабжение населения хлебом, другими продуктами питания по карточкам с талонами, выдаваемыми на месяц. Крупы, масло, сахар и кое-что другое мама покупала сама, обычно сразу за месяц, а за хлебом ежедневно поручала ходить мне, что я делал охотно. Меня 8-10-летнего уже считали большим, да и я о себе был такого же мнения. Выдавали по талонам серый хлеб, не помню, чтобы предлагали белый или чёрный ржаной. Я добросовестно исполнял свои обязанности, нередко долго ожидая подвоз хлеба, но однажды случилась беда – потерял карточки, почти месяц без хлеба!!! Вероятно, у меня их просто вытащили из кармана. Все были расстроены. Мама, однако, не ругала сильно. Понимала моё состояние. Как-то выкрутились.

Помню к какому-то празднику, по видимому Первомайскому 1945 года, населению предложили вместо серого хлеба, получить по талонам белый батон. Мама решила устроить праздник детям. Какое это было не просто удовольствие, а счастье кушать белый батон.

Напомню, мой отец был жив, трудился в тылу, находился рядом с нами (но редко вместе), и уже потому наша семья жила скромно, но не голодно. На нашей улице им.8 марта в Ашхабаде недалеко от нас жил мой одноклассник, отец которого был на фронте. Жил он с матерью и младшими братьями рядом с нашим домом. На другой стороне улицы находилась помойка, на которую выбрасывали пищевые отходы из столовой воинской части. Мой одноклассник часто копался в ней в поисках съедобного. Самым лучшим были – картофельные очистки. Я иногда помогал ему. У меня даже появился соблазн принести очистки и к себе домой, так как картофель у нас бывал редко, но не решился. Мама, наверняка не приняла бы картофельные очистки и заставила отнести их однокласснику. Она знала положение в их семье.

Очевидно, что в тылу жилось не сладко, но не свистели пули, не рвались бомбы и снаряды. Тем, кто находился в прифронтовой зоне и оккупации, было намного хуже. Судьба наших аксайских родственников оказалась более суровой. Аксай дважды находился под оккупацией немецко-фашистскими захватчиками: с 21 по 29 ноября 1941 года и с 24 июля 1942 по 14 февраля 1943 года. Линия фронта четырежды переходила по реке Дон, по окраине Аксая, а дом дедушки Саши Иевлева находился в 100 метрах от Дона, по берегу которого проложена железная дорога, связывающая Кавказ с Москвой и в метрах двухстах от паромной переправы через Дон, имевший стратегическое значение. Если в Аксае находились наши войска, переправу бомбили, обстреливали немцы, если немецкие войска – стреляли наши.

Чтобы не попасть под бомбёжку и артобстрел, бабушка уходила с дочерьми и младшим сыном подальше от Дона и переправы вглубь станицы, где прятались в подвалах у знакомых. Дочери в период затишья навещали отца. И вот в одно из таких затиший тетя Таня, Тамара и Аля пошли

проведать дедушку. Неожиданно начался артобстрел и тѣти погибли недалеко от дома другого моего дедушки Вали Переселенкова. Случилось это 26 июля 1942 года.

Позднее 13 февраля 1943 года беда пришла и в дом дедушки Вали. Бомба или снаряд попали в дом, дедушку убило, а бабушку Катю и тѣтю Лиду ранило. На фронте погибли и оба маминых брата Митя и Вася. Папиным братьям повезло, остались живы. Правду дядю Толю тяжело контузило под Москвой. Лечился в госпитале в г. Новосибирске. На фронт его уже по состоянию здоровья не направляли, трудился в тылу.

Дядя Аркаша и Коля попали в плен: один на суше, другой на Балтийском море. Из плена освобождены после разгрома Германии. Остались живы, но жизнь их была искалечена. Младший дядя Саша ушёл воевать в 1943 году и был на фронте до Победы. Позднее в 1956 году участвовал в Венгерских событиях – принимал участие в разоружении венгерской армии. После демобилизации вернулся в Аксай. Трудился, вёл большую общественную работу в ветеранской организации. За что удостоен звания «Почётный гражданин г. Аксая». Его уже тоже нет в живых. Имена трёх погибших дядей увековечены в Аксае на мемориальном комплексе.

Туркмению во время войны постигло большое климатическое бедствие. Зима в 1943 году выдалась чрезвычайно суровой, морозы доходили до минус 33 градусов по Цельсию. Об этом говорили все: и взрослые, и дети. К тому же выпал глубокий снег, который долго не таял.

Исконно овцы находятся на подножном корму, но овцы не олени, не приспособлены добывать корм копытом из-под снега. Так как детство моё проходило в каракулеводческих совхозах, то я, как и все совхозные дети, знал, что при неблагоприятных погодных условиях чабаны загоняют отары овец в кошары – большие огороженные загоны, чтобы переждать непогоду и при необходимости подкормить овец. На кошарах хранятся для экстренных случаев запас кормов, привезённых из России (прессованное сено, комбикорм, жмых). Однако, зима 1943 года оказалась настолько суровой, снежной и необычайно долгой, что заготовленных кормов не хватило, начался массовый падёж скота. Гибли от холода и чабаны, пасущие овец в десятках и сотнях километров от населённых пунктов. Было много обмороженных.

Немало погибло людей и в Ашхабаде из-за обрушения крыш. В городе большинство домов имело плоские горизонтальные крыши, как принято в Средней Азии издавна, обмазанные сверху глиной. От отсыревшего тяжёлого снега глина раскисала, и немало крыш рухнуло вниз. В городе тогда долго говорили о чайхане, в которой обрушившаяся крыша задавила десятки людей, находившихся в здании. В доме, где мы жили, в дождливые дни крыша протекала, приходилось подставлять под капли и даже струйки воды тазы, кастрюли, вѣдра. Это была моя обязанность.

Во время войны дети развивались и выросли быстро. Во втором и уж точно в третьем классе я достаточно хорошо знал географию Европейской части СССР и прилегающей части Европы, так как возвращаясь из школы,

ежедневно прочитывал сводки Совинформбюро в газетах, вывешенных на специальных стендах. Следил как советские войска сначала оставляли наши города и сёла, а позднее освобождали их.

Узнав об этом, отец (а, вернее всего, он сам приучил меня к этому) повесил дома на стену карту СССР и поручил флажками на булавах ежедневно обозначать линию фронта. Делал я это охотно, добросовестно. Без понуканий. Естественно, узнал и запомнил название многих населённых пунктов, особенно отложился в память город Моздок на Северном Кавказе. Возможно, потому что первый увиденный мной инвалид войны был ранен под Моздоком. Это было ещё до Ашхабада, когда мы жили в совхозе «Талимарджан».

Горжусь, что, будучи ещё пацанёнком, так вёл себя во время войны. Дети вообще были не меньшими патриотами, чем взрослые. Как и тысячи и даже миллионы моих сверстников хотел попасть на фронт и изловить Гитлера, посадить как зверя в клетку и возить по стране, чтобы каждый мог плюнуть ему в морду.

Конечно, не только отмищением была занята моя голова. Учился в школе, учился охотно, не помню, чтобы мама проверяла мои тетрадки, видимо не было в том необходимости. Не был отличником, числился в хорошистах. Посещал в Ашхабаде и детскую художественную школу, но пришлось бросить её. Папу перевели работать в другой совхоз «Красное Знамя», где на центральной усадьбе была 7-летняя школа. Поехали на новое местожительство всей семьёй, о художественной школе пришлось забыть, и я об этом не сожалею. Вряд ли бы из меня получился хороший художник. Всё это случилось в 1945 году уже после окончания войны.

Вспоминая детство, не припомню, чтобы у меня было свободное время, когда не знаешь куда себя деть. Был старшим из детей в семье, поэтому стал помощником мамы, мыл и вытирал посуду. Ели и пили мы, как принято в Туркмении из пиал разного размера. Пиалы для чая назывались пиалушками. Мама приучала к порядку, и я старался его соблюдать при мытье посуды. Мыл пиалы, начиная с самых крупных и аккуратно ставил их стопкой – внизу самая большая, выше – все меньше и меньше. Вытирать же посуду приходилось с верхней, самой маленькой пиалушки. Высушенные пиалы стояли также стопкой, но теперь внизу оказывалась самая маленькая, а вверху – самая большая. Всё обходилось, хотя мама иногда предупреждала – будь осторожным, не побей посуду. Так однажды и случилось: стопка рухнула, почти все пиалы превратились в осколки.

Кроме мытья посуды в мои обязанности входило мытье полов, их подметание. Часто приходилось протирать мебель от пыли. Пылепесчаные бури были не редкость, их приносил ветер с юга, называемый «афганцем».

Конечно, на моём попечении была и младшая сестренка. Она вынуждена была (а может быть и страшилась) принимать участие во всех детских моих играх со сверстниками, особенно когда мы жили в совхозе. Сестра не успевала за нами, я останавливался, брал её за руку и тянул за собой. Дома

возмущенно говорил маме: «Я не буду брать Свету с собой, она ходит как «мокрая курица». Но наступал новый день и снова сестрёнка была со мной.

Любил в этом возрасте, да люблю и поныне читать книги. Научился читать ещё до школы и в 6 лет уже был записан в совхозную библиотеку. Помню отчетливо первой выданной мне книгой была «Муха-Цокотуха» К. Чуковского. Любил читать и другие детские стихи и запоминал некоторые из них. Одно «Серый волк в глухом лесу встретил рыжую лису» помню до сих пор. Наверное, любил к месту и не к месту их декламировать. Мама учила читать стихи с выражением. Позднее узнал

– в молодости мама была известной в станице Аксайской самодеятельной драматической актрисой. Мама с папой работали на аксайском стекольном заводе «Пролетарий». На заводе был клуб, при клубе драмкружок. По рассказам старших часто ставили пьесы А. Островского и маме давали главные женские, как правило трагические роли. Зрители плакали, захваченные игрой мамы. Костюмы брали напрокат в Ростовском драмтеатре, куда ей советовали поступить, но... не случилось: замужество, дети, Дальний Восток, Туркмения.

Папа тоже не был чужд искусству, хорошо пел, знал и любил советскую песню, быстро заучивал наизусть. У меня от него любовь к советской песне. Папа играл, как и его отец – дедушка Саша на скрипке, причем вполне профессионально, скрипка в его руках буквально вибрировала от искусного дрожания кисти руки.

В 20-е годы родители участвовали и в «Синей блузе», высмеивая и клеймя бюрократов, лодырей, хулиганов. В Туркмении родители продолжали участвовать в художественной самодеятельности. Запомнился спектакль, где мама играла, попавшую в плен партизанку. В сцене, когда немецкий офицер замахнулся на партизанку, Светочка, моя сестрёнка, закричала на весь зал: «Папа, не бей маму!».

Вообще родители у нас были даровиты, могли, например, искусственно смеяться как настоящие артисты. Мы их часто просили об этом. Мы вскоре тоже присоединялись к ним, и наш смех переходил в настоящий хохот до колик в животе.

Снова возвращаюсь в своё военное и даже довоенное детство. Я видимо любил публично читать стихи в детском саду, в школе, в каких-нибудь самодеятельных концертах совхозного клуба. Папа иногда брал меня с собой в овцеводческие фермы, во время отдыха – взрослые просили отца, чтобы я прочитал какой-нибудь стишок. Я, естественно не отказывался, с жаром

брался за дело. Читал с выражением, как учила мама, помогая себе руками, жестикулируя. Это вызывало одобрительную реакцию у взрослых. Отцу говорили: «Твой сынок настоящий агитатор». По-видимому, среди стихов были патриотические. Мама рассказывала, что «агитатором» меня называли и в совхозной чайхане, куда я регулярно приходил с чайником за кипятком. Пока вода закипала в титане, я по просьбе взрослых читал стихи.

Позднее уже во время войны читал другие, часто написанные для детей, но более серьёзные книги. Вспоминаются «Тимур и его команда» А. Гайдара, «Сын полка» В. Катаева, «Малышок» Ликстанова, «Дорогие мои мальчишки» Л. Кассиля, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Овод» Л. Войнич, сказки А.С. Пушкина. Были, несомненно, и другие. Увлекательные романтические приключения и фантастические романы Ж. Верна, М.Рида и других западных писателей как-то прошли мимо меня. Их не было в библиотеке родителей. Мама меня не понуждала искать эти романы. Вырос я на советской и русской литературе.

Конечно, как ребёнок я не мог не любить кино, особенно фильмы про войну. В Ашхабаде я ходил в городской кинотеатр, в совхозе – в сельские клубы. Хотя билет на сеанс стоил недорого, но карманных денег у меня не было, приходилось просить их у мамы. Она, конечно давала, но с условием: «сделай то-то», или просто: «Дам, если ты посидишь хоть 5 минут спокойно». Действительно, я был непоседливым ребёнком.

Не всегда в совхозе был киномеханик и киноаппаратура и тогда периодически приезжала к нам передвижная кинобудка, привозя сразу несколько фильмов. Располагались в теплое время прямо на улице. Киномеханик с помощью будущих кинозрителей растягивал экран – белое полотно, напротив на удалении устанавливал киноаппарат. Приходили со своими стульями, табуретками, скамейками. Некоторые (в основном дети) садились прямо на землю.

Киномеханик запускал бензиновый двигатель, вырабатывающий ток, вставлял в киноаппарат первую бобину с кинолентой и начинался фильм. Фильм размещался на нескольких бобинах, поэтому его мы смотрели частями. 1-2 минуты уходило на замену просмотренной ленты на вторую и т.д. Иногда случались смешные курьёзы, особенно, если киномеханик был под хмельком. Он перепутывал бобины, и потому погибший человек мог спокойно появиться на экране, как бы воскресая.

Фильмы демонстрировали темной ночью, правда не очень поздно, потому что темнота на юге начиналась рано.

Во время войны наши киностудии выпускали фильмы в основном патриотические, даже если и трагического содержания, но настраивающие людей, в том числе и детей, на то, что враг будет разбит и победа будет за нами. Выходили, конечно, и весёлые, лирические, сатирические. Помню, что видел в те годы такие фильмы: «Секретарь райкома», «Два бойца», «Небесный тихоход», «Свинарка и пастух», «Жди меня», «Новые похождения Швейка», «Насреддин в Бухаре», «Богдан Хмельницкий», «Котовский», «Александр Пархоменко», «В 6 часов вечера после войны».

Популярные довоенные фильмы «Броненосец Потёмкин», «Ленин в октябре», Трилогия о Максиме, «Чапаев», «Мы из Кронштадта» «Детство», «В людях», «Пётр Первый», «Суворов», «Весёлые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Трактористы» и многие другие.

Может быть некрепкой детской памятью названия всех перечисленных художественных фильмов и не припомнил бы, но их и доныне часто демонстрируют разные телеканалы.

Ещё отлично помню, что на киносеансах художественному фильму непременно предшествовал киножурнал «Новости дня» или «Боевой киносборник», в которых в первую очередь интересовали кадры о войне. Смотрел киножурналы с не меньшим интересом и напряжением, чем художественные фильмы.

Несмотря на суровые для многих голодные, холодные, босоногие годы военного лихолетья, дети продолжали играть в свои исконно детские или заимствованные от взрослых игры. Перебирая в памяти, вспомнил прятки, волчок, казаки-разбойники, лапту, классики, чижик, лягу, альчики, стенку, футбол с тряпичным мячом и воротами, обозначенными двумя большими голышами. Кто постарше играли в городки, и даже в карты, правда, прячась от взрослых. Проигравший получал шелобаны (щелчки) по голове. Были, уверен, и другие детские игры, которые пока не приходят на ум.

Попытаюсь описать некоторые игры, в которые ныне дети, по видимому, не играют, либо игры эти специфические, местные – туркменские, среднеазиатские.

Для игры в классики на земле, утрамбованной без травы площадки рисовали мелом прямоугольник, представляющий шкалу, поделённую на 6 квадратов (классов). Сторона квадрата около 1 метра. За шестым классом рисуется полукруглая штрафная зона – старорежимный карцер.

В игре может участвовать несколько человек, которые играют по очереди. Проводится игра плоским округлым голышом толщиной пару сантиметров, который вкидывается поочерёдно от первого до шестого класса. Передвигается игрок, прыгая на одной ноге, одновременно толкая голыш из класса в класс. Затем выбивает голыш через запретную зону наружу. После этого выпрыгивает из «школы», становится на обе ноги, подбирает голыш и возвращается к началу.

Если игрок допускает ошибку, он временно выбывает из игры. Игру начинает второй человек, ошибками считаются: заступ ногой на черту, остановка голыша на черте, случайный пропуск голышом или игроками очередного класса, случайный выход игрока или вылет голыша за пределы «школы», касание земли второй ногой. В качестве наказания игрок уступает место другому, но предшествующие результаты (сколько он уже окончил «классов») не аннулируются. Он, как бы оставался на второй год.

В случае, если голыш попадает в «карцер» или игрок заступает в него, все достижения игрока аннулируются, ему придётся вновь начинать с первого класса.

Играл часто и довольно успешно. Особенно классно проходила игра, если вместо голыша-гальки использовалась плоская круглая металлическая баночка из-под сапожного крема.

Полагаю, что далеко не всем нынешним детям известно, что «чижигом» называется короткая (10-15 см.) палочка с заострёнными концами. Второй длинной палкой - битой ударяют по заострённому концу, лежащего на земле «чижика». Он взлетает и вторым ударом, улучая, когда чижик принимает вертикальное положение, игрок направляет чижик в круг, очерченный на удалении, либо выбивает его, как можно дальше. Играет обычно несколько человек. Побеждает тот, чей чижик попал в центр круга или ближе всех к нему, либо улетает дальше других.

В «стенку» играли обычно несколько мальчишек. Выбирали уличную стену здания с ровной поверхностью вдали от глаз родителей. Кто-то из играющих по договорённости первым сильно бьёт монетой по стене, чтобы она отлетела как можно дальше или куда-то вбок. Соперник должен был ударом о стенку с того же места свою монету отправить как можно ближе к лежащей на земле монете первого игрока. Когда расстояние между монетами было меньше пяди (расстояние между раздвинутыми большим и средним или безымянным пальцами) второго игрока, он выигрывал и забирал монету себе. Если расстояние было больше, первый брал свою монетку и ударом о стенку старался её доставить к монете соперника и так до победы одного из них. Затем в соперничество с победителем вступал третий игрок. Игрок, бьющим о стенку вторым, безусловно признаётся победителем и в том случае, когда его монета попадает в лежащую монету, даже если она отскакивала на расстояние больше пяди.

В этой игре преимущество было на стороне того, у кого пальцы были длиннее, то есть, как правило, старшего по возрасту.

О «Лянге» в Хадыжах вероятно слышали немногие. Она представляет округлый кусочек овечьей шкуры к коже которой прикреплена для утяжеления свинцовая лепёшка.

Игра заключается в умении подбрасывать лянгу вверх стопой левой или правой ноги. Некоторые виртуозы подбрасывали лянгу, чередуя стопы без остановки, переходя то на внутреннюю часть стопы, то на внешнюю, то просто носком стопы. Делали это не хаотично, а в определённой последовательности «простые», «пары», «люры», описывать которые простым языком затрудняюсь. Нужно было сделать по 5 или 10 простых бросков, столько же пар и люр, не останавливаясь. Побеждал тот, кто сделал больше подбрасываний. Я, увы, не был мастером этого народного детского спорта.

Возможно, в лянгу в Туркмении играют и поныне. В России не видел, чтобы в неё играли дети, хотя слышал, что в каких-то регионах она известна под названием «жётка».

В Туркмении во время войны очень популярна была игра в «Альчики». Альчиком называется надкостный сустав ноги барана или овцы. В игре могли участвовать двое, трое и более. На утоптанном ровном участке земли без

травяного покрова очерчивали круг диаметром метра три. В средней части круга прочерчивали прямую линию, на которой устанавливали альчики, укладывая их на боку. В центре – вертикально, чтобы возвышался, ставили наиболее крупный альчик.

На игру приходили со своими альчиками, и каждый играющий устанавливал по несколько альчиков, обычно не более пяти. В нескольких метрах от кона, параллельно ему прочерчивали линию, с которой и начинали игру. Каждый игрок имел свой ударный альчик - свинчатку. Он отличался тем, что в нём просверливали углубление, в которое для утяжеления заливали расплавленный свинец.

По договорённости или по жребию игроки начинали игру, бросая прицельно свою свинчатку, пытаясь выбить из круга средний главный альчик. Если ему это удавалось, он считался победителем тура и забирал все альчики себе.

Игру начинали снова, расставляя у кого были альчики. В случае, если игрок выбивал не центральный альчик, все подходили к кругу, а игрок продолжал выбивать другие альчики. Игра заканчивалась, когда у самого успешного игрока оказывались почти все альчики.

В начале войны в виду малолетства я обычно проигрывал альчики. Став постарше, уже после войны нередко оказывался в совхозе победителем.

Так как забивали в совхозе государственных или личных овец не часто, количество альчиков пополнялось медленно и проигравшим, чтобы дальше участвовать в игре, приходилось покупать альчики у победителей. Стоили они копейки и никто, выражаясь современным языком, не сделал на альчиках «бизнес».

Позже я узнал, что на территории России дети не играли в альчики. Их заменяла игра в бабки – более крупные надкопытные суставы ног свиней.

В заключение воспоминаний о детских играх военной поры хочу рассказать об игре в пёрышко – специфический, сугубо школьной мальчишеской игре, в которую был вовлечён и я. Как уже упоминал, мы писали перьями, вставленными в удлинённый держатель – ручку. Перья мы называли пёрышками, так как это было не гусиное перо пушкинских времен, а маленькая выгнутая продолговатая стальная пластинка с расщеплённым узким пишущим концом.

Играли везде: в школе, в коридорах на переменах, вблизи школы – на тротуаре. Один игрок клал пёрышки на пол, а второй часто стоя на коленках, пытался своим пёрышком перевернуть пёрышко противника, Он сильно прижимал кончиком своего пёрышка лежащее пёрышко, затем резким соскальзывающим движением убирал его и лежащее пёрышко как бы подпрыгивало и если при этом переворачивалось – это считалось победой и победитель забирал пёрышко себе. Постепенно перья переходили в руки более умелых и ловких игроков. Многие ученики оставались без перьев, да и оставшиеся перья были, как правило, не пригодны для письма – царапали бумагу.

Забеспокоились учителя, их поддержали родители и общими усилиями убедили учеников или запретили им предаваться этой забаве. Не знаю – играли в пёрышки только в нашей мужской школе №6 города Ашхабада или этим увлекались дети и в других школах города, но в школе совхоза «Красное Знамя», куда мы переехали, ученики не ползали по полу с пёрышками.

Ребёнком я был не только непоседливым, но и увлекающимся. Именно во время войны проявилась моя страсть к собирательству, коллекционированию, которая сохранилась до настоящего времени.

Начинал с почтовых марок. Их я, конечно, не покупал, а отклеивал с писем, которые приходили к нам в семью или к соседям. У меня не было альбома для марок, да я не знал о существовании таковых. Просто наклеивал их в ученическую тетрадь. Более всего интересовали марки с военной тематикой: красноармейцы, танки самолёты и т.д. К сожалению, письма с фронта приходили без марок – это были солдатские треугольники. Всё моё марочное богатство уместилось на нескольких листах тетради, которую я, увы, не сохранил.

Второе моё детское увлечение – собирал по городу Ашхабаду, где мы тогда жили, окурки папирос, но не для курения. Сейчас дети, наверное и не знают, что такое папиросы. Это «родственница» нынешних сигарет, отличающаяся тем, что имела мундштук – часть бумажной курительной трубки (гильзы), не заполненной табаком. На этих мундштуках указывалось название папиросы. Найти можно было не только окурки советских папирос, но и зарубежных. Во время войны в Ашхабаде находились представительства многих государств – союзников СССР в войне против фашистской Германии. Названия этих государств мне были известны по статьям в газетах (особенно в сводках Совинформбюро), которые я ежедневно прочитывал.

Отрезал от мундштука недокуренную часть гильзы с табаком и смятую часть мундштука и всё это выкидывали, соблюдая таким образом хоть чуточку правила санитарной гигиены. Оставшуюся часть мундштука с названием папиросы разворачивали в форме прямоугольного клочка укладывали в тетрадь, постепенно пополняя коллекцию.

Таких как я было немало даже среди одноклассников. Мы общались, хвастались находками, обменивались двойными экземплярами.

К счастью, такое «коллекционирование» продолжалось недолго, месяца два или три. Мама, обнаружив мою коллекцию, ужаснулась, выругала: «Ты что, не понимаешь? Их могли курить больные люди. Сам заболеешь и заразу занесёшь домой, в школу». Я не перечил, на этом закончилось экзотическое антисанитарное собирательство. Коллекция папиросных мундштуков была уничтожена.

Совершенно справедливые мамины запреты не погасили природное любопытство, склонность к собирательству. Всерьёз, сначала правда хаотично начал им заниматься после войны в студенчестве, когда в бабушкиной шкатулке с пуговицами нашёл старые советские, царские и немецкие монеты. Ко многому меня тянуло. Собирал почтовые открытки с

видами городов, в том числе дореволюционные, с фотографиями известных артистов, с репродукциями картин художников, марки, значки, лотерейные билеты, старинные книги, винные и конфетные обёртки – фантики.

Но главной коллекционной страстью, продолжавшейся многие годы стал сбор денежных знаков и монет СССР и Российской империи. Позднее всерьёз увлёкся сбором камней-самоцветов, главным образом халцедонов, агатов, ониксов, яшм. Не только собирал в осыпях, на склонах гор и среди валунов в долинах рек, но и обрабатывал их: разрезал алмазным отрезным кругом, обдирал, шлифовал и полировал до зеркального блеска.

Нумизматические и камне самоцветные коллекции служат мне неплохим наглядным пособием при встречах с учениками хадыженских школ. Делал выставки в городском Доме культуры г. Хадыженска, в Апшеронске, неоднократно на Днях города Хадыженска, в других местах.

Завершая исповедь о военном детстве напомним. Начало войны застало меня с мамой и сестрёнкой в Москве, а об окончании, мы узнали в столице Туркменской ССР Ашхабаде. Конечно, это была всеобщая радость, всенародное ликование. 9 мая 1945 года на главной площади Свободы г. Ашхабада состоялся общегородской митинг, закончившийся грандиозным салютом, на котором присутствовал едва ли не весь город, был на нем и я. В

народе, насколько я помню, говорили тогда не о Победе над ненавистным врагом, просто радовались тому, что окончилась наконец война и наступил долгожданный мир и не будут приходиться «похоронки».

С высоты прожитых лет не могу с уверенностью сказать, что окончание войны ощущал как самое яркое событие, как самый счастливый день. Счастливых, радостных дней было много и каждый в своё время казался самым-самым: освободили пусть самый заштатный городишко – счастье, одержали наши войска на том или ином участке фронта – счастье, пришло доброе письмо с фронта – счастье, получили извещение, что дяди, считавшиеся пропавшими без вести – живы – счастье, изгнали оккупантов с нашей территории – счастье, взяли Берлин – счастье.

Вспоминая тяготы военной поры, хочу обратить внимание тех, кто заинтересуется этими записками. Самыми голодными в стране (хоть это и покажется странным) оказались не военные годы, а послевоенный 1947 год. Продовольственные запасы были истощены за годы войны, а 1946 год оказался неурожайным из-за засухи в одних регионах страны, в других же не смогли собрать хлеб из-за осенних дождей. Начался голод.

Где-то читал, что из-за истощения в 1947 году умерло свыше миллиона человек. Положение улучшилось только осенью 1947 года после сбора урожая. Тогда же в декабре 19457 года были отменены карточки на промышленные и продовольственные товары. Голод ощущался не только в городах, но и в сельской местности. Мы тогда жили в совхозе «Красное Знамя». Из-за голодухи, как тогда говорили, к нам вынуждены были приехать из станицы Аксайской Ростовской области бабушка Катя (мамина мама со своей младшей дочерью Лидой, ещё школьницей). Вторую бабушку тоже звали Катя. Чтобы их различать мы папину маму за глаза звали «большой». Она была повыше ростом, да и родила втрое больше детей, а мамину – «маленькой».

Бабушка Катя-маленькая стала во время войны вдовой, погибли на фронте и оба её сына. Приходилось жить с дочерью на скромную пенсию по потере кормильца – младшего сына – Василия. Он был офицером и пенсию за него назначили повыше, но и её не хватало.

О том, как мы жили можно судить по фрагментам моего письма, написанного в Аксай бабушке Кате – большой, явно при участии бабушки Кати-маленькой. Письмо датировано 24 мая 1947 г. Письмо сохранила бабушка Катя-большая. Попало мне в руки в 1960 году после её смерти. Цитирую: «...Бабушка, мы живы и здоровы, чего и вам желаем. Папы и мамы нету – они в Ашхабаде... Бабушка, вы пишите, чтобы мы вам прислали брынзы, но мы её не видим... всё идет на госпоставку. Живем не лучше вас, а даже хуже. Вы хоть суп варите, а мы даже и забыли, когда его варили. Сегодня я вам пишу, а в доме ни хлеба, ничего нет. Корова даёт литров 5 в день. Телку 2 литра, а там только 3 литра остается на весь день, да и то без хлеба».

Объясню ситуацию. Папу переводили на работу вновь в Ашхабад, но уже в трест «Туркменсовхозкаракуль», которому подчинялись все

каракулеводческие совхозы республики. Папа поехал на поезде в Ашхабад устраиваться на работу и взял с собой маму. Нужно было выяснить – когда и где предоставят жилье, найдется ли место для коровы и тому подобное. Подтверждаю также – с хлебом и вообще с продуктами было плохо. На семью иногда выдавали немного зерна – кукурузы, ячменя или джугары – местный сорт сорго. Моя обязанность была ходить в соседний Туркменский аул, где люди жили в юртах и там у знакомых на ручной мельнице – зернотёрке размалывать зерно в муку или крупу. Из муки пекли лепёшки или делали суп – затируху.

Так случилось, что переезд в Ашхабад нашей выросшей семьи (у родителей уже было трое детей) не состоялся. В каракулеводческом совхозе «Пограничник», расположенном вблизи посёлка Кушка уволился (или был уволен) директор совхоза и папе предложили эту должность. Папа, естественно, возможно к огорчению мамы, согласился. Нам выдали товарный вагон, и мы с коровой и прочим скарбом поехали к новому месту жительства.

Замена Ашхабада на Кушку для нас оказалась, как выяснилось потом, счастьем, так как в октябре следующего 1948 года в Ашхабаде было землетрясение, которое полностью разрушило город, погибли десятки тысяч жителей, среди погибших был и наш родственник.

Завершая исповедь, дитя Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, являющейся частью Второй мировой войны 1939-1945 годов, хочу пожелать нынешним детям, нынешней молодёжи следующее. Вы, как и взрослые видите, что живём мы, к сожалению, в непростое тревожное время. Военные конфликты возникают то тут, то там и на границах нашего государства. Здравомыслящие взрослые стараются сделать всё, чтобы земляне избежали третьей мировой войны и не появилось новое многомиллионное поколение нынешних детей войны. Для этого современная молодёжь должна быть готова и умела защитить нашу Родину, если потребуется, как это сумели наши отцы и старшие братья в 1941-1945 годах.

30.10.2018 г.

Валериан Константинович Иевлев, г. Хадыженск.